

Информация для цитирования:

Анохина Ю. Ю. Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова / Ю. Ю. Анохина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 172—188. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188.

Anokhina, Yu. Yu. (2024). Female Characters in Fyodor Dostoevsky's Novels in Interpretation of Vyacheslav Ivanov. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 172-188. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Женские образы романов
Ф. М. Достоевского
в истолковании
Вяч. Иванова**

Анохина Юлия Юрьевна
orcid.org/0000-0001-8917-5445
кандидат филологических наук,
Научная лаборатория «Rossica:
русская литература в мировом
культурном контексте»
jul.anokhin@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-78-10100-П

**Female Characters
in Fyodor Dostoevsky's
Novels in Interpretation
of Vyacheslav Ivanov**

Yulia Yu. Anokhina
orcid.org/0000-0001-8917-5445
PhD in Philology,
Research Laboratory "Rossica:
Russian Literature in a Global
Cultural Context"
jul.anokhin@gmail.com

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-78-10100-P

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются труды Вяч. Иванова о Ф. М. Достоевском. На материале книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) выявлены исследовательские принципы и интерпретативные стратегии, реализовавшиеся при истолковании Вяч. Ивановым женских образов романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы» и «Идиот». Показано, что представление Иванова о художественных особенностях образов Сони Мармеладовой, Алены Ивановны, Марьи Тимофеевны и Настасьи Филипповны раскрывается в контексте «основного мифа» произведений. Показано, что мифопоэтический и функциональный аспекты являются наиболее значимыми в предложенных Ивановым интерпретациях образов женских персонажей. Вместе с тем утверждается, что психологические и духовные особенности героинь не остаются без внимания герменевта, поскольку установление особенностей внутреннего мира оказалось необходимым ему для раскрытия мифопоэтических функций. На примере истолкования Ивановым женских образов Достоевского особенно очевидно, что подход поэта-мыслителя к произведениям писателя представляет собой синтез философской концептуализации и историко-литературной оптики.

Ключевые слова:

женские образы; история науки; Федор Достоевский; Вячеслав Иванов; герменевтика; литературоведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the works of Vyacheslav Ivanov on Fyodor Dostoevsky. Using the material from the book “Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism” (1932), the research principles and interpretive strategies implemented by Vyacheslav Ivanov in interpreting the female characters in Dostoevsky’s novels “Crime and Punishment,” “The Devils,” and “The Idiot” are identified. It is shown that Ivanov’s conception of the artistic features of characters such as Sonya Marmeladova, Alena Ivanovna, Maria Timofeevna, and Nastasya Filippovna are revealed in the context of the “main myth” of the works. The mythopoetic and functional aspects are highlighted as the most significant in Ivanov’s interpretations of the female characters. Additionally, it is argued that the psychological and spiritual characteristics of the heroines are not overlooked by the hermeneutist, as understanding the nuances of their inner world was necessary for him to reveal the mythopoetic functions. Through Ivanov’s interpretations of Dostoevsky’s female characters, it becomes evident that the poet-thinker’s approach to the writer’s works represents a synthesis of philosophical conceptualization and historical-literary perspective.

Key words:

female characters; history of science; Fyodor Dostoevsky; Vyacheslav Ivanov; hermeneutics; literary studies.

УДК 821.161.1Достоевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова

© Анохина Ю. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Труды Вяч. Иванова о Ф. М. Достоевском принадлежат одновременно двум культурно-историческим эпохам: эпохе «серебряного века» в русской литературе и философии и культуре Русского зарубежья. Основные идеи «Вячеслава Великолепного» о романах Достоевского оформились еще до революции 1917 года — они были озвучены в ходе его выступлений на заседаниях Религиозно-Философского общества, формировались в процессе дискуссий о Достоевском. Одним из ярких примеров такого типа обсуждений является знаменитый «спор о Хромоножке» [Богданова, 2016]. Начало этому спору было положено докладом С. Н. Булгакова и последующем обсуждении на заседании Российского философского общества (РФО) в 1913 году, а продолжением стала серия публикаций Булгакова («Русская трагедия»), Н. А. Бердяева («Ставрогин») и Вяч. Иванова («Экскурс: основной миф в романе “Бесы”») в журнале «Русская мысль» в 1914 году. Статьей о романе «Бесы» посвященные Достоевскому работы Иванова не ограничиваются. В корпус этих трудов входят статьи: «Достоевский и роман-трагедия» (1911) и «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917). После эмиграции в 1924 году Вяч. Иванов, как известно, вновь обратился к творчеству писателя и составил книгу «Достоевский: Трагедия — миф — мистика». Книга вышла в 1932 году на немецком языке в Тюбингене. Она представляет собой не механическое собрание опубликованных ранее и переведенных с русского языка статей Иванова, но отражает единый замысел целостной концепции и подчиняет этому замыслу идеи, высказанные ранее. Так, по своему генезису этот труд примыкает к появившимся в начале XX столетия религиозно-философским работам Д. С. Мережковского [Мережковский, 2000], Л. Шестова [Шестов, 1903], С. Н. Булгакова [Булгаков, 1914], а также в некоторой степени отражает символистские и мифопоэтические искания Вяч. Иванова в доэмигрантский период его жизни. С другой сто-

роны, будучи результатом переосмысления ранних работ, этот труд относится к новому этапу творческой биографии Иванова, а вместе с тем и к новому историко-культурному контексту — к культуре Русского зарубежья. В этом смысле книга Иванова близка трудам Н. А. Бердяева («Мирозерцание Достоевского» [Бердяев, 1923]), И. И. Лапшина («Метафизика Достоевского» [Лапшин, 1931]), С. И. Гессена («Трагедия зла» [Гессен, 1932]), С. Л. Франка («Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского» [Франк, 1931]) и др. Выразившийся в трудах Иванова о Достоевском сложный синтез философского и литературоведческого подходов объясняет то, почему его идеи оказались столь продуктивными. Рассуждая об этом, Г. М. Фридендер писал: «<...> в работах о Достоевском В. И. Иванова содержатся зачатки едва ли не всего того, что было высказано наукой о Достоевском в XX веке учеными всего мира» [Фридендер, 1994, с. 133].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Поставленная проблема — проблема подхода Иванова к женским образам романов Достоевского — рассматривается в первую очередь на материале названной выше книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932). Привлекаются к анализу и ранние работы Иванова, его статьи, напечатанные в России. В целом эти работы «Вячеслава Великолепного», как, собственно, и сама научная проблема «Достоевский и Иванов», не остаются обделенными исследовательским вниманием, что не удивительно, ведь «Достоевский был как предшественником, так и неизменным духовным «спутником» — ключевой фигурой — во всей долгой жизни Иванова» [Шишкин, 2021, с. 41]. В историко-литературных работах проблема «Иванов и Достоевский» рассматривается с различных точек зрения. В работах XX века положено начало осмыслению вклада Иванова в становление науки о Достоевском [Фридендер, 1994], и в статьях, опубликованных в XXI столетии, продолжено концептуальное исследование этого вопроса [Касаткина, 2007; Есаулов, 2012; Плюханова, 2021]. Обращаясь к контексту общего возрождения интереса к писателю в религиозно-философской критике Серебряного века, исследователи определяют, в чем состоит общность подходов к Достоевскому мыслителей этого времени [Келдыш, 2019], или, напротив, выявляют существенные отличия их интерпретаций [Богданова, 2018]. Внимание уделяется и специфике применяемой при анализе художественных произведений методологии Иванова [Bird, 2001; Tergas, 1990; Махлин, 2016]: его подход характеризуют как мифокритику [Титаренко, 2012а], мифографику [Сегал-Рудник, 2021], символистскую герменевтику [Исупов, 2012], а также

обнаруживают в нем черты субъект-субъектного метода прочтения Достоевского [Подосокорский, 2023].

В последние годы работа «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) переживает новый всплеск исследовательского интереса, что, по-видимому, вызвано недавним академическим переизданием этой книги [Иванов, 2021], в которой Иванов «рассматривает творческую личность Достоевского в трех ипостасях — трагического поэта, мифотворца и религиозного мыслителя» [Каяниди, 2021, с. 137]. Одним из наиболее острых вопросов оказывается проблема адекватности предложенных Ивановым интерпретаций относительно художественных замыслов Достоевского [Кибальниченко, 2022]. Вместе с тем проблема интерпретации Ивановым отдельных персонажей романов Достоевского остается малоизученной, но она предстает одной из наиболее интересных и актуальных: ее анализ позволяет не только выявить специфику идей, связанных с тем или иным персонажем, но и уточнить методологические аспекты исследовательского проекта, представленного в книге «Достоевский: трагедия — миф — мистика».

Вопрос о характере истолкования отдельных образов романов писателя был поставлен в работе польского исследователя А. Дудека, который рассмотрел подход Иванова к героям романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот» и «Братья Карамазовы». В фокусе внимания Дудека была, главным образом, специфика трактовки Ивановым мужских персонажей, а не женских: Родиона Раскольникова, Николая Ставрогина, князя Мышкина, Ивана Карамазова, — и далее им было проведено сопоставление с подходом Д. С. Мережковского к этим героям [Дудек, 2012].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в рамках заявленной проблематики оказался вопрос о характере интерпретации Ивановым образа Марьи Тимофеевны, «Хромоножки» из романа Достоевского «Бесы». Работой Л. И. Сараскиной [Сараскина, 1984] была положена своего рода «традиция» переосмысления подхода к этому образу Иванова. Эта традиция продолжается и современными исследователями: О. А. Богдановой [Богданова, 2016] и С. А. Кибальниченко [Кибальниченко, 2022]. Представленные в книге и статьях Иванова трактовки других героинь Достоевского еще не были детально проанализированы в научной литературе. Между тем такого рода анализ подхода к женским образам оказывается интересен в нескольких отношениях: он, как отмечалось выше, позволит уточнить методологический инструментарий Вяч. Иванова, а также выявить отдельные аспекты его концепции творчества Достоевского в целом и, кроме того, сопоставить интерпретации героинь романов с философскими и мифопоэтическими представлениями Иванова о женском как таковом.

Методологический аппарат проведенного анализа определяется, с одной стороны, характером рассматриваемого материала, с другой стороны, поставленной исследовательской задачей. Одной из наиболее существенных черт книги Вяч. Иванова о Достоевском оказывается ее полиморфность, как структурная, так и содержательная. К. Г. Исупов, анализируя то, как в этой работе концептуализируются ключевые для истории литературы и философии имена (Данте Алигьери, И. В. Гете), понятия («мистерия», «катарсис») и проблемы («Церковь и культура», «судьба и ответственность»), отмечает сходство исследования Иванова с палимпсестом, когда читатель, выявивший один смысловой узел, сталкивается с необходимостью анализа целого ряда семантических узлов [Исупов, 2012, с. 50]. Именно поэтому анализ интерпретаций Ивановым отдельных женских образов предполагает герменевтическое перепрочтение текста книги и своего рода реконструкцию (поскольку в книге Иванова, не задававшегося целью проанализировать женские образы Достоевского специально, отдельные наблюдения над той или иной героиней содержатся в составе разных частей труда). К такому методу приходится прибегать и потому, что Иванов фокусировался, прежде всего, на выявлении того основания, на котором зиждется вся художественная конструкция романа, «основной миф», понимаемый мыслителем как «эпическое по форме, трагическое по внутреннему антиномизму — ядро, в коем изначально сосредоточена вся символическая энергия целого» [Иванов, 2021, с. 48]. То, насколько детально рассмотренным оказывается тот или иной персонаж, зависит от степени участия героя или героини в раскрытии «основного мифа». На этом же основании выстраивается и своего рода «иерархия» персонажей. Сквозным в творчестве Достоевского Иванов считал «миф о пленении души человека, души Земли-Матери и Вечно-Женственного начала» [Титаренко, 2012б, с. 51], и в его романах, по мысли Иванова, развиваются различные инварианты этого мифа. Так, мифопоэтическим основанием романа «Преступление и наказание» Иванов считал «бунт против Матери-Земли», а романов «Бесы» и «Идиот» — предательство Души мира, Вечной Женственности.

Несмотря на то, что Иванов не ставил перед собой задачи исследовать женские образы как таковые, его интерпретации этих образов, пусть зачастую и весьма лапидарные, оказываются чрезвычайно показательными хотя бы уже потому, что его подход сочетает целый ряд различных перспектив или «оптик», сквозь призму которых рассматриваются героини. В этой статье речь идет о перспективах, которые условно обозначим как «мифопоэтическая» и «функциональная» и, с другой стороны, «психологическая» и «духовная».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мифопоэтический и функциональный аспекты в интерпретации Вяч. Ивановым женских образов Достоевского

При анализе романов Достоевского Иванов исследовал прежде всего то, как раскрывается в них «основной миф». Поэтому в книге о Достоевском рассматриваются не все героини, а только те, которые связаны с «символическим ядром» того или иного произведения непосредственно. Например, в рассуждениях о романе «Преступление и наказание» внимание Иванова сфокусировано на образах Алены Ивановны, «коллежской регистраторши и процентщицы» [Достоевский, т. 6, с. 51], и Сони Мармеладовой, а другие героини — Пульхерия Александровна, Авдотья Романовна и «вечно беременная» Елизавета — лишь упоминаются. Рассматривая роман «Бесы», Иванов из всех героинь остановился только на образе Марьи Тимофеевны, Хромоножки, которую считал главным женским персонажем романа, и только указал на монастырскую «старницу» и жену Шатова Marie. В размышлениях о романе «Идиот» фигурируют, прежде всего, образы Настасьи Филипповны и Аглаи.

«Символическим ядром» романа «Преступление и наказание» Иванов считал «бунт человека против Матери-Земли, гнев ее и усмирение гнева через искупление, ею истребованное и ей принесенное» [Иванов, 2021, с. 69]. И если в образе Раскольникова Иванов видел «бунтовщика», то с архетипом Матери-Земли он связывал образ Алены Ивановны, которую называл «хтоническим существом» [Там же]. Хотя Иванов считал ее в первую очередь жертвой, он не сводил ее роль исключительно к пассивной, а рассматривал ее и как активно действующую силу, как «из тьмы восстающую мстительницу», как «посланницу Матери-Земли» [Там же]. Осмысление мифопоэтической роли образа старухи-процентщицы позволило Иванову предположить, что этот образ восходит к образу старой графини из повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина. Эту идею — идею о генетической связи между повестью Пушкина и романом «Преступление и наказание» — в статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» развивал и один из первых рецензентов книги Иванова А. Бем, известный исследователь Достоевского и организатор пражских семинаров по творчеству писателя [Бем, 1936]. В выдвинутой Ивановым концепции образ другой героини романа, Сони Мармеладовой, предстает связанным с примиряющим началом. Она рассматривается как «проводник», как героиня, благодаря участию которой становится возможным покаяние «бунтовщика» Раскольникова, его освобождение от иллюзии «самозамкнутости» [Иванов, 2021, с. 72] и воссоединение с миром. «Выздоровление приходит от Сони», — писал о ней Вяч. Иванов [Там же].

Образ Марьи Тимофеевны тоже предстает сопряженным с архетипом Матери-Земли. Однако если Алена Ивановна в мифопоэтическом плане представлена как одна из «сил» Земли, то связь Хромоножки с этим архетипом оказывается не только «посреднической», но и развертывающейся в символической перспективе, то есть более существенной, поскольку для Иванова понятие «символ» имеет онтологическое значение [Каприо, 2021]. Об этой героине Иванов писал, что она «не просто “медимум” Матери-Земли, но и символ ее» [Иванов, 2021, с. 57]. При этом если старуха-процентщица, по Иванову, представляет собой именно «хтоническое существо», то природа Хромоножки совершенно иная — она выступает земным воплощением Вечной Женственности, Души земли, которая «страдает от насильничества и засилья “бесов”». Благодаря идее о взаимосвязи Хромоножки с мифологемой «Вечной Женственности» Иванов высветил и историко-литературный прообраз героини: предшественницей Марьи Тимофеевны он считал Гретхен из «Фауста» Гете.

В функциональном плане образ Марьи Тимофеевны (как и образ Алены Ивановны) трактуется как сочетающий пассивное и активное начала. Эта внутренняя амбивалентность интерпретации заключается в том, что в ее рамках героиня предстает претерпевающей «насильничество» и в то же время способной к свободному волеизъявлению. Недаром Иванов особое внимание уделил эпизоду «узнавания» Марьей Тимофеевной в Ставрогине предателя, когда она прогоняет его, назвав «Гришкой Отрепьевым» [Достоевский, т. 10, с. 219].

К мифологеме Вечной Женственности Иванов возводил и образ главной героини романа «Идиот». Настасью Филипповну и Марью Тимофеевну роднит, по мысли Иванова, то, что обе ждут освободителя — «небесного посланца» — и обе оказываются преданы. При этом в историко-культурном плане обе соотносятся с мифологическими образами Андромеды и Эвридики: по Иванову, призвание Небесного посланца (воплотившегося в образах Ставрогина, князя Мышкина) заключается в том, что он «должен освободить Душу мира, лежащую в цепях злых чар: освободить от оков Андромеду, вывести из ада Эвридику или Алкесту, разбудить Спящую Красавицу» [Иванов, 2021, с. 85]. Однако в отличие от Хромоножки, природа которой рассматривалась как земная (неслучайно Иванов называл ее «землей одержимой» [Иванов, 2021, с. 57], а в письме Ф. Хёنشу аргументировал идею правомерности историко-литературной параллели между образами Гретхен и Марьи Тимофеевны тем, что обе героини — эманации Вечной Женственности именно в «аспекте Земли» [Иванов, 2021, с. 258]), Настасья Филипповна представлялась Иванову героиней, сопряженной с «Небом»: она отнесена к числу «нисходящих» героев, то есть таких, в которых пре-

обладает небесное духовное начало. (Заметим, что такое «пространственное» разделение героинь в рамках одной мифологемы соотносится с идущим от гностиков и подхваченным русскими философами представлением о том, что Душа мира, Вечная Женственность, может быть явлена как «София земная» и «София небесная»). Именно мифопоэтический аспект позволил Иванову объяснить логику невозможности союза Настасьи Филипповны с князем Мышкиным. Поскольку природа обоих «небесная», каждый из них может «соединиться» только с «земной», восходящей природой: «Любовь Мышкина, направленная к земле, требует личность, к ней устремленную, из земли рожденную, от земли восходящую, а не с неба нисходящую» [Иванов, 2021, с. 85]. При этом, как отмечено в комментарии к последнему изданию книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» понятия «нисхождения» и «восхождения» берут начало в мифологических представлениях древности, в древнегреческой мифологии, в платонизме и неоплатонизме, в гностических представлениях, в ветхозаветной и новозаветной традиции» [Иванов, 2021, с. 353]. Воплощением «земной» природы Иванов считал другую героиню романа «Идиот» — Аглаю.

Так, обращенность Иванова к мифопоэтической основе романов Достоевского инспирирует и его внимание к мифопоэтическим аспектам отдельных персонажей. В свою очередь, определение генезиса, «символического ядра» того или иного образа позволяет ему установить историко-культурные и историко-литературные параллели (например, сопоставить образ Алены Ивановны с образом старой графини из «Пиковой дамы» Пушкина или соотнести Хромоножку с Гретхен), а также, пусть и не детально, рассмотреть вопрос о том, какими функциями женские образы наделены в художественной системе произведений.

3.2. Психологические и духовные аспекты женских персонажей Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова

Еще две перспективы женских образов, к которым обращено внимание Иванова в связи с анализом мифопоэтической основы романов Достоевского, — это психологический и духовный аспекты. При этом герменевт не ставил перед собой задачи описать душевно-духовный склад героинь в целом, а обратил внимание только на те свойства, которые соответствуют мифопоэтическим функциям персонажей. Так, для того чтобы показать те внутренние особенности, которые позволяют Соне Мармеладовой способствовать духовному выздоровлению Раскольникова, Иванов рассмотрел вопрос о ее внутреннем мире и показал, что в ней парадоксальным образом сочетаются духовная высота и глубина греховности: «Спасаящая убийцу, научившая его покаянию, кроткая сердцем Соня, ставшая проституткой, чтобы спасти родителей, братьев и сестер от голодной смерти, —

тоже жертва за чужой грех, только, в отличие от Елизаветы, она сама — великая грешница, ибо она, хотя и для спасения других, всё же сознательно и самонадеянно принимает не только страдания, но и проклятие чужого злодеяния, беря его на себя» [Иванов, 2021, с. 73]. Иванов видел в Соне наивысшую степень духовной чистоты, едва ли не абсолютизированную: он назвал ее «кроткой сердцем» — словосочетанием, взятым из церковнославянского перевода Евангелия от Матфея. В Евангелие Господь Иисус Христос говорит о Себе: «ибо я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11: 29—30). Конечно, Иванов не приводит прямой параллели между Соней Мармеладовой и Христом, но, назвав ее словами, характеризующими Господа, он отметил нетронутость божественной природы в ней, несмотря на то, что Иванов не снимал с этой героини духовной ответственности за взятое на себя «проклятие чужого греха». Еще заметим, что «кротость», о которой писал Иванов, не является синонимом пассивности, бездеятельности. Соня способна активно и сознательно воздействовать на другого. Неслучайно в рассуждении Иванова о влиянии героини на Раскольникова появляется глагол *требовать*: она «требует от любимого лишь одного: признания реальности человека и человечества вне себя и торжественного подтверждения этой новой и ему еще чуждой веры через акт покаяния перед всем народом» [Иванов, 2021, с. 72]. Представление о Соне как равносильной Раскольникову развивается и в современной литературе о романе «Преступление и наказание». Так, современная исследовательница отмечает, что линия взаимоотношений между Раскольниковым и Соней является центральной в романе и что эти отношения содержат в себе не только «близость» («affinity»), но и «борьбу» («struggle») [Filova, 2017, с. 100].

Психологическим и духовным аспектам образа Хромоножки Иванов уделит сравнительно меньше внимания, но о том, что особенности внутреннего мира этой героини не были совсем им проигнорированы, свидетельствуют ряд его отдельных наблюдений. В частности, это относится к его замечанию о знаменитом высказывании Марьи Тимофеевны из ее разговора с Шатовым: «Бог и природа есть всё одно» [Достоевский, т. 10, с. 116]. По Иванову, прагматика этого высказывания состоит не в сообщении ее смысла читателю и не в выражении *specto* Хромоножки, а в том, чтобы этой фразой указать на сущность героини, на ее особенную духовную связь с природой: «Ведь иначе поэт никак не мог бы намекнуть на то, что она чувствует себя единой с Природой, что Природа, как и она, ждет своего желанного небесного Жениха» [Иванов, 2021, с. 42]. К такому выводу Иванов пришел, основываясь на расхождении психологического склада героини и подлинного смысла этого пантеистического высказывания, он увидел в нем «наивное воспоминание о где-то случайно прочтенной или

подслушанной и, конечно, неверно понятой ученой фразе» [Там же]. При этом собственно характер связи Марьи Тимофеевны с природой отнесен не к психологической, душевной сфере, но к духовной. Недаром Иванов назвал героиню «прозорливицей»: «Прозорливица видит неосознанно христианскую мистерию в вечной литургии Природы» [Там же]. При этом в интерпретации Иванова духовная зоркость Хромоножки сочетается с ее душевной немощью (отсюда слово *неосознанно* в приведенном высказывании, а также определение *дурочка*, которое «Вячеслав Великолепный» использовал в качестве иносказательного обозначения героини). Как и в Соне Мармеладовой, в образе Марьи Тимофеевны Иванов тоже отмечал духовную двойственность: с одной стороны, рассуждал о ней как о «знающей Христа» и Божью Матерь, но в то же время и как о бунтующей против Бога. По мысли интерпретатора, хромота героини — свидетельство ее «тайной богоборческой вины» [Иванов, 2021, с. 58].

Как было отмечено, мифологема «Вечной Женственности» объединяет в рамках концепции Иванова Марью Тимофеевну и главную героиню романа «Идиот». И если внутренний мир Хромоножки рассматривается прежде всего в связи с ее отношением к архетипу «Матери-Земли» (отсюда же и особый интерес мыслителя к проблеме отношений героини с природой), то душевные и духовные свойства образа Настасьи Филипповны определяются представлением о ней как о героине «небесной» сущности. О том, что противопоставление Настасьи Филипповны и Аглаи, другой героини романа «Идиот», основано именно на контрасте их природ, свидетельствуют, по Иванову, уже значения имен героинь. Недаром он, пусть и вскользь, акцентировал внимание на ономастической символической. Об имени Настасьи Филипповны он писал, рассуждая о взаимосвязи Рогожина и Мышкина: «<...> оба различают метафизический лик Настасьи Филипповны (Ἀνάστασις — воскресение)» [Иванов, 2021, с. 90]. На символическое значение имени главной героини указывают и современные исследователи романа «Идиот» [Касаткина, 2021, с. 19; Harrison, с. 397]. Об имени Аглая Иванов упомянул в связи с осмыслением характера взаимоотношений между Настасьей Филипповной, Аглаей и князем Мышкиным: «У Настасьи Филипповны имеется соперница: в роскошной телесности расцветающая Аглая, то есть “празднично красующаяся”. Ее земная красота должна его притягивать так, как, по его же словам, пленяет и зовет его “праздник” жизни на земле <...>» [Иванов, 2021, с. 86].

Для того чтобы более детально изучить духовный мир Настасьи Филипповны, Иванов в качестве аналитического инструмента использовал оппозицию «внешнее» и «внутреннее». Он показал, что внешняя жизнь героини и прописанная Достоевским линия ее поведения не являются непо-

средственным проявлением ее душевно-духовных переживаний: «В сущности, она, под личиной надменности, которую держит перед миром, как щит, глубоко смиренна» [Там же, с. 88]. К «внешнему» в интерпретации Иванова отнесены даже психологические переживания героини. Он назвал их словосочетанием «верхние пласты души», имея в виду сферу, в которой совмещаются эмоции: «обида и возмущение, упрямство и стыд, презрение к людям, ненависть к состраданию и даже ревность» [Там же]. Появление такого рода страстных переживаний, а также демонстративно-нервное и противоречивое поведение этой героини Иванов рассматривал как опосредованное следствие произошедшей с ней внутренней, духовной катастрофы: «Ее мнимая надменность, расчетливо вызывающее поведение, ее самоистязание притворным бесстыдством, — всё это не что иное, как маска, за которой она пытается скрыть свое отчаяние от несостоявшегося спасения и искупления» [Там же]. Иванов считал, что центром внутренней жизни Настасьи Филипповны было ожидание «небесного посланца» — князя Мышкина, и поэтому истинные переживания героини мыслитель характеризовал как «ее сокровенные истинные чувства, рождающиеся из пронизательного созерцания мистерии встречи с Мышкиным» [Иванов, 2021, с. 65]. Так, пример интерпретации образа Настасьи Филипповны показателен не только с точки зрения методологического инструментария Иванова (дихотомия «внешнее» / «внутреннее»), но и в перспективе его представлений о структуре художественного образа, который рассматривается как синтез внешних проявлений, душевных переживаний и духовных движений.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятая реконструкция подхода Вяч. Иванова к женским образам романов Достоевского, таким как Соня Мармеладова, Марья Тимофеевна Лебядкина и Настасья Филипповна, позволяет ответить на вопрос о характере выдвинутой им интерпретативной стратегии, реализованной им при анализе отдельных персонажей. Так, сфокусировавшись прежде всего на мифопоэтических аспектах того или иного женского образа, Иванов вынужден был обратиться и к историко-литературным сопоставлениям, а также очертить психологические и духовные свойства героинь. Без сомнения, книга написана «мифологизирующим» языком, в духе религиозно-философских размышлений, характерных и для статей о Достоевском, создававшихся в эпоху Серебряного века. В то же время исследовательские принципы Иванова предстают методологически восходящими к школе «исторической поэтики» и теоретическим трудам А. Н. Веселовского, особый интерес к которому «Вячеслав Великолепный», как показы-

вает К. Ю. Лаппо-Данилевский, проявлял в 1920-е годы — в тот период, когда он читал лекции по истории литературы в Бакинском университете [Лаппо-Данилевский, 2011]. Это сближает его книгу «Достоевский: трагедия — миф — мистика» с историко-литературными трудами, возникшими в эмигрантской среде филологов, профессиональных исследователей русской литературы. В книге Иванова заостряется историко-литературная оптика, его филологический взгляд на романы писателя, и потому можно говорить о том, что по историко-культурному контексту этот труд чрезвычайно близок и литературоведческим работам таких писавших о Достоевском в эмиграции и развивавших принципы школы исторической поэтики литературоведов, как А. Л. Бем, П. М. Бицилли Р. Плетнев [О Достоевском... , т. 1, 2, 3].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Литература

1. Бем А. Л. «Пиковая Дама» в творчестве Достоевского / А. Л. Бем // У истоков творчества Достоевского. — Прага : Русский путь, 1936. — С. 46—62. — ISBN 978-5-85887-207-8.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. — Прага : The YMCA PRESS Ltd., 1923. — 238 с.
3. Богданова О. А. Спор о Хромоножке : литература — театр — литература / О. А. Богданова // Вопросы литературы. — 2016. — № 5. — С. 191—213.
4. Богданова О. А. Вячеслав Иванов : у истоков науки о Достоевском / О. А. Богданова // Вячеслав Иванов : исследования и материалы. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Выпуск 3. — С. 76—95.
5. Булгаков С. Н. Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского, в связи с инсценировкой романа в московском Художественном театре / С. Н. Булгаков // Русская мысль. — 1914. — Год тридцать пятый. Книга IV. — С. 1—26.
6. Гессен С. И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) / С. И. Гессен // Путь. — 1932. — № 36. — С. 44—74.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972—1990.
8. Дудек А. Герои Ф. М. Достоевского в интерпретациях Вяч. Иванова и Д. С. Мережковского / А. Дудек // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012. — С. 132—146.
9. Есаулов И. А. Что не сказано М. Бахтиным о Ф. М. Достоевском, но сказано Серебряным веком / И. А. Есаулов // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012. — С. 571—589. — ISBN 978-5-91763-128-8.
10. Иванов В. И. Достоевский. Трагедия — миф — мистика / В. И. Иванов. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2021. — 476 с.

11. *Исупов К. Г.* Герменевтика Вяч. Иванова / К. Г. Исупов // Символизм и герменевтика. — Siedlce : Stow. Tutajteraz : Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH, 2012. — С. 47—98. — ISBN 978-83-63307-52-3.

12. *Каприо С.* Символ и реальность у Вячеслава Иванова / С. Каприо // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2021. — № 1. — С. 10—21. — DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21.

13. *Касаткина Т. А.* Феномен Ф. М. Достоевский и рубеж XIX—XX веков / Т. А. Касаткина // Достоевский и XX век. В 2-х томах. — Москва : ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 143—199.

14. *Касаткина Т. А.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : о высшей и низшей природе человека / Т. А. Касаткина // Христианское чтение. — 2021. — № 4. — С. 14—30. — DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14.

15. *Каяниди Л. Г.* Три Ипостаси Достоевского. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика / Л. Г. Каяниди // Соловьевские исследования. — 2021. — № 4 (72). — С. 135—146. — DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.135-146.

16. *Келдыш В. А.* Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы / В. А. Келдыш. — Москва : ИМЛИ РАН, 2019. — 280 с. — ISBN 9785920806093.

17. *Кибальниченко С. А.* Новый Эсхил : миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова / С. А. Кибальниченко // Русско-Византийский вестник. — 2022. — № 3 (10). — С. 58—79. — DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_58.

18. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. — С. 96—110.

19. *Лапшин И. И.* Метафизика Достоевского / И. И. Лапшин // Воля России. — 1931. — № I/II. — С. 59—84.

20. *Махлин В.* «Ты еси» : Достоевский между Вяч. Ивановым и М. М. Бахтиным / В. Махлин // Вяч. Иванов : pro et contra, антология. — Санкт-Петербург : ЦСО, 2016. — Т. 2. — С. 50—76. — ISBN 978-5-88812-725-4.

21. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 589 с.

22. *О Достоевском* : сборник статей. В 3 т. / А. Л. Бем. — Прага : Legiografie, 1929—1936.

23. *Плюханова М. Б.* Труды Вячеслава Иванова о Достоевском : эволюция основного мифа / М. Б. Плюханова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov : the Enigma of Modernism». — Москва : Водолей, 2021. — С. 179—198. — ISBN 9785917635552.

24. *Подосокорский Н. Н.* Вячеслав Иванов — исследователь Ф. М. Достоевского / Н. Н. Подосокорский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2023. — № 3 (23). — С. 233—246. — DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-233-246.

25. *Сараскина Л. И.* «Противоречия вместе живут...» (Хромоножка в «Бесах» Достоевского) / Л. И. Сараскина // Вопросы литературы. — 1984. — № 11. — С. 151—176.

26. *Сегал-Рудник Н.* Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова / Н. Сегал-Рудник // Загадка модернизма : Вячеслав Иванов : Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov : the Enigma of Modernism». — Москва : Водолей, 2021. — С. 124—178. — ISBN 978-5-91763-555-2.

27. Титаренко С. Д. Мифокритика Вяч. Иванова как метаязык описания творчества Ф. М. Достоевского / С. Д. Титаренко // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012а. — С. 194—207.

28. Титаренко С. Д. «Основной миф» Ф. М. Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2012б. — № 1. — С. 47—55.

29. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского) / С. Л. Франк // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. — Москва : Книга, 1990. — С. 391—397.

30. Фридлиндер Г. М. Достоевский и Вячеслав Иванов / Г. М. Фридлиндер // Достоевский. Материалы и исследования. К восьмидесятилетию академика Г. М. Фридлиндера. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — С. 132—144.

31. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше / Л. И. Шестов. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1903 — 245 с. — ISBN 978-5-902767-96-1.

32. Шишкин А. Б. Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке / А. Б. Шишкин // Acta Eruditorum. — 2021. — Выпуск 38. — С. 40—46. — DOI: 10.25991/AE.2021.3.38.001.

33. Bird R. Understanding Dostoevsky : A Comparison of Russian Hermeneutic Theories / R. Bird // Dostoevsky Studies. New Series. — 2001. — Vol. V. — Pp. 129—146.

34. Filova S. Sonya Marmeladova — Paradox of Female Power? / S. Filova // Mundo Eslovo. — 2017. — № 16. — Pp. 99—105.

35. Harrison L. The Numinous Experience of Ego Transcendence in Dostoevsky / L. Harrison // The Slavic and East European Journal. — 2013. — Vol. 57. — № 3. — Pp. 388—402.

36. Kliger I. Dostoevsky and the Novel-Tragedy : Genre and Modernity in Ivanov, Pumpyansky, and Bakhtin / I. Kliger // PMLA. — 2011. — Vol. 126. — № 1. — Pp. 73—87.

37. Terras V. The Metaphysics of the Novel-Tragedy : Dostoevsky and Viacheslav Ivanov / V. Terras // Russianness : an examination of Russia and the West : in memory of Rufus Wellington Mathewson, 1918—1978. — Michigan : Ann Arbor, 1990. — Pp. 153—166.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.*

References

- About Dostoevsky: a collection of articles. In 3 volumes.* (1929—1936). Prague: Legiografie. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1923). *Dostoevsky's Worldview*. Prague: The YMCA PRESS Ltd. 238 p. (In Russ.).
- Bird, R. (2001). *Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories. Dostoevsky Studies. New Series, V: 129—146.*
- Boehm, A. L. (1936). “The Queen of Spades” in the work of Dostoevsky. In: *At the origins of Dostoevsky's work*. Prague: The Russian Way. 46—62. ISBN 978-5-85887-207-8. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2016). The dispute about the Limp: literature — theater — literature. *Questions of literature*, 5: 191—213. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2018). Vyacheslav Ivanov: at the origins of the science of Dostoevsky. In: *Viacheslav Ivanov: research and materials*, 3. Moscow: IMLI RAS. 76—95. (In Russ.).

- Bulgakov, S. N. (1914). Russian tragedy. About F. M. Dostoevsky's "Demons", in connection with the staging of the novel at the Moscow Art Theater. *Russian Thought. The year is thirty-fifth, IV*: 1—26. (In Russ.).
- Caprio, S. (2021). Symbol and reality in Vyacheslav Ivanov. *Bulletin of the Russian State University Series "Philosophy. Sociology. Art criticism"*, 1: 10—21. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1972—1990). *The complete works in thirty volumes*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. (In Russ.).
- Dudek, A. F. (2012). M. Dostoevsky's heroes in the interpretations of Vyach. Ivanov and D. S. Merezhkovsky. In: *F. M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, interpretations, transformations. To the 190th anniversary of his birth and to the 130th anniversary of the death of F. M. Dostoevsky*. Moscow: Aquarius. 132—146. (In Russ.).
- Filova, S. (2017). Sonya Marmeladova — Paradox of Female Power? *Mundo Eslavo*, 16: 99—105.
- Frank, S. L. (1990). Dostoevsky and the crisis of humanism (on the 50th anniversary of Dostoevsky's death). In: *About Dostoevsky. Dostoevsky's work in Russian Thought in 1881—1931*. Moscow: The book. 391—397. (In Russ.).
- Friedlander, G. M. (1994). Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov. In: *Dostoevsky. Materials and research. On the eightieth anniversary of Academician G. M. Friedlander*. St. Petersburg: Nauka. 132—144. (In Russ.).
- Gessen, S. I. (1932). The tragedy of evil (the philosophical image of Stavrogin). *Path*, 36: 44—74. (In Russ.).
- Harrison, L. (2013). The Numinous Experience of Ego Transcendence in Dostoevsky. *The Slavic and East European Journal*, 57 (3): 388—402.
- Isupov, K. G. (2012). Hermeneutics of Vyach. Ivanova. In: *Symbolism and hermeneutics*. Siedlce: Stow. Tutajteraz: Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH. 47—98. ISBN 978-83-63307-52-3. (In Russ.).
- Ivanov, V. I. (2021). *Dostoevsky. Tragedy — myth — mysticism*. St. Petersburg: Pushkin House. 476 p. (In Russ.).
- Kasatkina, T. A. (2021). Dostoevsky's novel "The Idiot": on the higher and lower nature of man. *Christian reading*, 4: 14—30. DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14. (In Russ.).
- Kasatkina, T. A. (2007). The phenomenon of F. M. Dostoevsky and the turn of the XIX—XX centuries. In: *Dostoevsky and the XX century. In 2 volumes, 1*. Moscow: IMLI RAS. 143—199. (In Russ.).
- Kayanidi, L. G. (2021). Three Hypostases of Dostoevsky. *Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mysticism. Solovyov studies*, 4 (72): 135—146. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.135-146. (In Russ.).
- Keldysh, V. A. (2019). *The legacy of F. M. Dostoevsky in philosophical and literary-critical thought of the Silver Age of Russian literature*. Moscow: IMLI RAS. 280 p. ISBN 9785920806093. (In Russ.).
- Kibalnichenko, S. A. (2022). The New Aeschylus: the myth of Dostoevsky in the philosophical prose of Vyacheslav Ivanov. *Russian-Byzantine Bulletin*, 3 (10): 58—79. DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_58. (In Russ.).
- Kliger, I. (2011). Dostoevsky and the Novel-Tragedy: Genre and Modernity in Ivanov, Pumpiansky, and Bakhtin. *PMLA*, 126 (1): 73—87.
- Lappo-Danilevsky, K. Yu. (2011). The works of A. N. Veselovsky and the Baku lectures of Vyach. Ivanova on poetics. In: *Alexander Veselovsky. Current aspects of heritage. Research and materials*. St. Petersburg: Nauka. 96—110. (In Russ.).

- Lapshin, I. I. (1931). Dostoevsky's Metaphysics. *Volya Rossii, I/III*: 59—84. (In Russ.).
- Makhlin, V. (2016). “You are”: Dostoevsky between Vyach. Ivanov and M. M. Bakhtin. In: *Vyach. Ivanov: pro et contra, an anthology*, 2. St. Petersburg: CSO. 50—76. ISBN 978-5-88812-725-4. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D. S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka. 589 p. (In Russ.).
- Plyukhanova, M. B. (2021). Vyacheslav Ivanov's Writings on Dostoevsky: the evolution of the basic myth. In: *The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Materials of the XI International Ivanovo Conference “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”*. Moscow: Aquarius. 179—198. ISBN 9785917635552. (In Russ.).
- Podosokorsky, N. N. (2023). Vyacheslav Ivanov — researcher of F. M. Dostoevsky. *Dostoevsky and world culture. Philological Journal*, 3 (23): 233—246. DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-233-246. (In Russ.).
- Saraskina, L. I. (1984). “Contradictions live together...” (A limp in Dostoevsky's “Demons”). *Questions of literature*, 11: 151—176. (In Russ.).
- Segal-Rudnik, N. (2021). Dostoevsky in mythology and ontology of Vyach. Ivanova. In: *The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Proceedings of the XI International Ivanovo Conference “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”*. Moscow: Aquarius. 124—178. ISBN 978-5-91763-555-2. (In Russ.).
- Shestov, L. I. (1903). *Dostoevsky and Nietzsche*. St. Petersburg: Academic Project. 245 p. ISBN 978-5-902767-96-1. (In Russ.).
- Shishkin, A. B. (2021). Vyacheslav Ivanov and the discovery of Dostoevsky in the twentieth century. *Acta Eruditorum*, 38: 40—46. DOI: 10.25991/AE.2021.3.38.001. (In Russ.).
- Terras, V. (1990). The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky and Viacheslav Ivanov. In: *Russianness: an examination of Russia and the West: in memory of Rufus Wellington Mathewion, 1918—1978*. Michigan: Ann Arbor. 153—166.
- Titarenko, S. D. (a). (2012a). Mythocriticism of Vyach. Ivanova as a metalanguage describing the work of F. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age*. Moscow: Aquarius. 194—207. (In Russ.).
- Titarenko, S. D. (b). (2012b). “The Main myth” by F. M. Dostoevsky in the interpretation of Vyacheslav Ivanov. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 1: 47—55. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (2012). What M. Bakhtin did not say about F. M. Dostoevsky, but was said by the Silver Age. In: *F. M. Dostoevsky and the culture of the Silver Age: Traditions, interpretations, transformations. To the 190th anniversary of his birth and to the 130th anniversary of the death of F. M. Dostoevsky*. Moscow: Aquarius. 571—589. ISBN 978-5-91763-128-8. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*